

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ

НА ВЫСТАВКЕ ПЕТРА БЕЛОВА

Человек ушел в белое пространство листа бумаги. Ушел из комнаты, где бывали близкие ему люди, где был быт, была жизнь. Там стоял вот этот стол. На нем лежали вот эти ключи от этой квартиры. Лежали тринадцать рублей — эти самые, не другие — вот с этими номерами купюр. Чья-то рука взяла со стола чистый лист и поставила его ребром на плоскость стола. Как холст. Видимо, человек вглядывался в пустоту, предчувствуя, что она наполнится его волей. Так бывало много раз, так бывало много лет. Потому что человек был художником. Но на этот раз он увидел самого себя, одиноко уходящего.

Наверное, это было как прозрение. Вдохновляющее и беспощадное. Мысль стала осязаемой, телесной. Мысль коснулась бритвенно острой грани бытия. Судьба коснулась края жизни. Что почувствовал художник, когда философия, любовь к мудрости соединилась с сегодняшней живой болью, когда слож-

ность выразилась через простоту, когда мастерски сконструированный «эффект присутствия» в натюрморте вдруг наткнулся на предчувствие вечного отсутствия, когда его рука рисовала саму эту руку — руку того, кто уходил в белизну, оставляя неяркие следы?

Это была одна из последних картин Петра Алексеевича Белова. Он закончил ее в декабре 1987 года. Его не стало 30 января 1988 года. Названия у картины не было, или еще не было. Она была восемнадцатой из цикла, который был создан художником в последние годы и захватил его полностью. Всего картин осталось двадцать две.

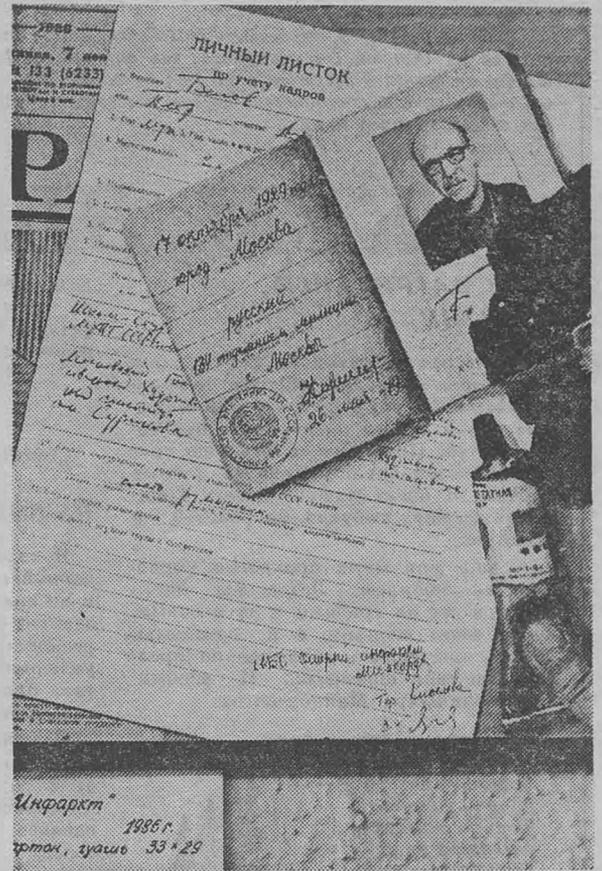
Белов был художником театра. Театр знал и любил. Сформировал многие десятилетия спектаклей. Более всего в театре имени Гоголя, а потом в ЦТСА, где был главным художником. Конечно же, занимался и станковой живописью. Пейзаж, натюрморт, портрет — в отпуск, в свободное время. Одно помогло другому. Ст театра шел волевой посыл, примат замысла, вообра-

жение. От работ с натуры — естественность, «природность», лиризм. Но вот несколько лет назад художнику, который уже перешагнул черту своего пятидесятилетия, по-новому открылся смысл искусства, цель его и собственное призвание.

Мастерскую Белова найти нелегко. От Солянки подняться вверх, свернуть в Мало-Ивановский переулок. Войти под каменную арку в захламленный двор со множеством старых неухоженных строений. Самое старое, самое покосившееся здание — там туда. Поднимемся по крутой скрипучей лестнице. Мастерская? Да какая там мастерская! Просто комната без удобств, небольшая и плохо освещенная... Тесно, повернуться негде. И при этом еще все время угроза выселения отсюда. Да, конечно, прежде всего надо подумать о мастерской. Нужны же условия для работы... Если бы заняться этим, конечно, добился бы.

Но некогда было. Всегда было некогда отбросить скромность — слишком большое усилие требовалось. А теперь вообще времени не осталось — открылась ослепительная перспектива: не думать и писать картины, эскизы. Но думать картинами.

Петр Белов не был избалован

скую. Ему говорили — подождите выходить, сердце не окрепло — четвертый этаж без лифта, посидите еще дома. Он улыбался (он вообще часто улыбался) и от любимых жены и дочери, по которым так соскучился в больнице, уезжал туда, к своим холстам.

Отец, мать, брат — люди в тумане... стоят, как кресты, раскинув руки.

Трагические портреты дорогих, почитаемых — Мейерхольд, Булгаков, Пастернак.

Одна из лучших работ — «Сумерки». Окно с газетными полосками крест-накрест и тень лица за стеклом. Воздух времени, образ и... материальные следы времени — газетные оборванные строчки.

Белов торопился. Мысли не иссякали. Блокноты полны записей. Он торопился писать, не торопился обнаруживать. Это должны были сделать другие. Как всегда, они оказались слишком медлительными. Мучило ли его это? Возможно, но заметно не было. В последний год жизни он казался счастливым. Он ощутил божественную гармонию между замыслом и свершением. Работал много и легко.

Была в Москве на переговорах выдающаяся английская актриса театра и кино Ванесса Редгрейв. Мы дружим. Она спросила — что интересного посмотреть в Москве, что нового? Я повел ее к Белову. Через каменные ворота, по захламленному двору, по скрипучей лестнице. Белов расставил катини. Актриса много повидала в жизни и в искусстве, но было заметно, что она поражена. Да она и не скрывала своего волнения. Ее оценка в тот же вечер вылилась в приглашение приехать в Лондон и оформить спектакль, инициатором и одной из исполнительниц которого она является.

Петр Белов улыбался растерянно. Он в жизни не видел столь именитых гостей у себя в мастерской. Для него вновь было такое мгновенное доверие. Абсолютно не веря в реальность затеи, он благодарил ее за доброту. А она его — за искусство, за смелость, за то, что коснулся души.

Зимой, в свежий день проводили Петра Алексеевича в последний путь. Посмертно открылась его первая выставка в Центральном доме актера. Вглядитесь в его лицо, в его улыбку на картине, которую можно было бы назвать «Жизнь». Я уверен, что каждый, посмотревший выставку, не забудет ни его лица, ни его имени.

Сергей ЮРСКИЙ,
народный артист РСФСР.

Картины Петра Белова (сверху вниз) — «Инфаркт», «41-й год», «Сумерки» (Портрет брата).

участием в престижных выставках. Его ценили как театрального мастера. Да и сам он относился к своим прежним картинам и этюдам как к делу внутреннему, домашнему. Но пришел к человеку новый зов. Лег перед ним новый рубеж. Он перешагнул его и пошел в неизведанное.

Выписанная со скрупулезной точностью, легла на полотно пачка папирос «Беломорканал» с надорванным уголком. Обычная коробка с привычным чертёжом — как соединили два моря, по какой линии. А из надорванного уголка — издали смотрим — табак, что ли, просыпался? Поближе подойдем. Нет, не табачные крошки — люди! Тысячи людей идут туда, в темную коробку.

А вот поле одуванчиков. На нем прочно, давяще расположились ноги в тяжелых сапогах. Владельца сапог не видно — слишком высоко стоит. Все, что под ним, уже раздавлено. Но тень легла и на ближние, и на дальние пространства. Шагнет — что будет с одуванчиком? Поближе подойдем к полотну. А в одуванчиках лица. Люди — живые, еще живущие. Их много, до горизонта.

А вот и владеец сапог. Лица еще не видно. Слишком громаден, открывается частями. Но уже видна рука с трубкой. Она движет армию навстречу врагу. Десятки тысяч людей в едином стремлении. Война! Беда. Битва, смертельный бой. И полководец ведет, подталкивает широким рукавом. Только вот — спичка! Трубку раскурил, чтоб лучше думалось, спичку бросил. А она ведь гигантская — человек сто накроеет, а может, и тысячу —

разница масштабов. И летит-то, падает не на врагов, — на своих.

А вот, наконец, и лицо. Оно! Вглядывающийся в песочные часы. Подойдем поближе. Не песчинки — черепа. Небывалое, жуткое время отмеряется. Признаюсь, эту картину я люблю не очень. По моему мнению, слишком прямое сопоставление, плакатная мысль. Но пусть плакат — он тоже искусство. И для Белова каждая картина была открытием собственного взгляда на жизнь, ступенью познания.

Еще не были произнесены слова «перестройка» и «гласность». Не в русле официально текущего времени начал свой цикл Петр Белов. Это было одно из тех явлений, которые впоследствии сделали перестройку и гласность необходимыми, объявленными сверху, но выстраданными снизу, как воздух потребными людям. Не о выставке думал художник — о ней и думать не смел. Отбирал из друзей — кому показать в мастерской? Кто поймет, проникнется и при этом не слишком будет язык распускать? И писал, писал дальше. Не деньги, не слава, не успех в узком кругу, не шум за рубежом — нет, не это! Об этом он просто не думал. Знал, что все это бывает, но к себе как-то даже никогда и не примерял. И теперь так было. Белов в эти годы в одиночестве своей мастерской явил пример кристальной чистоты отношений между мастером и его трудом.

Случился инфаркт. Петр пролежал полтора месяца. А вернувшись из больницы, на следующий же день — в мастер-

